

Кипнис Б.Г.
О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ И Боевом Опыте Офицерского
и Унтер-Офицерского Корпуса Российской Армии
в XVIII столетии

Вопросы, вынесенные в заглавие настоящей статьи редко попадают в поле зрения отечественных историков. Дореволюционные авторы рассматривали обычно процессы постепенной замены офицеров-иностранцев русскими командными кадрами, способы подготовки офицерских кадров, порядок прохождения службы, присвоения чинов¹. Общеизвестным считалось мнение, что большинство офицеров регулярной армии были выпущены из гвардии. Причем изучение ило главным образом на основе законодательных и нормативных актов, почти без попыток проверить как они реализовывались на практике. Советские авторы в принципе действовали в русле этой же концепции. Так Л.Г.Бескровный, вот что писал он об офицерах петровского времени: «Офицерский корпус состоял из русских дворян. А выходцы из недворянских слоев, ставшие офицерами, получали дворянство... Все обер-офицеры, - гласил указ Петра, - которые произошли не из дворянства, должны их дети и их потомки суть дворяне и надлежит им дать патент на дворянство». Обучение и воспитание солдат и матросов, принятых из крестьян и посадских людей, доверялось только представителям правящего класса - дворянам².

Рассуждая об офицерах во второй половине XVIII века,

этот же автор отмечал, что после указа Петра II «о вольности дворянства», нарушился уже установившийся порядок обеспечения офицерского корпуса дворянами, появилась необходимость принимать на службу иностранцев, а «для привлечения к военной службе выходцев из чиновной и купеческой среды был издан указ от 18 мая 1788 года, согласно которому чин обер-офицера давал потомственное дворянство, но лишь в том случае, если произведенный оставался служить в армии пожизненно»³. Наконец, касаясь положения дел в конце XVIII века автор указывал: «В конце века правительство не внесло ничего принципиально нового в систему комплектования армии офицерскими кадрами»⁴. Основными каналами подготовки русского офицерского корпуса Л.Г.Бескровный считал гвардию и военные корпуса и школы для сыновей дворянства⁵.

Вопрос о составе офицерского корпуса разрешился Л.Г.Бескровным в самых общих местах и схематично. Вопросы же боевого опыта и профессионализма сводились им к обучению войск на основе уставов и инструкций, а также достижений выдающихся полководцев: Петра I, П.А.Румянцева, А.В.Суворова. Однако не делалась даже попытка вскрыть механизм усвоения, накопления и передачи боевого опыта на штаб и обер-офицерских уровнях. Что же касается унтер-офицерских кадров в вышеизложенной проблематике, то здесь даже и не делалась попытка постановки вопроса о необходимости ее исследования, хотя и дореволюционными, и советскими историками всегда признавалось, что именно на унтер-офицерской возлагалась ежедневная работа по строевой и боевой подготовке, а также и обучение рекрутов. А между тем на эту работу Л.Г.Бескровного ссылались и ссылаются уже второе поколение советских исследователей русской армии и истории России в XVIII веке.

М.Д.Рабинович в статье об офицерстве в конце Северной войны показал социальную и имущественную неоднородность офицерского корпуса, не касаясь, правда, вопроса о боевом опыте⁶.

В коллективной работе «Во славу отечества российско-го»⁷ была несколько откорректирована трактовка социального состава офицерского корпуса в исследуемый период, предложенная в свое время Л.Г.Бескровным⁸.

Целью настоящей работы является в рамках, диктуемых объемом статьи, показать изменения социального состава офицерского корпуса русской армии в XVIII веке, равным образом осветить вопрос о накоплении боевого опыта, а также поставить вопрос о социальном составе и боевом опыте унтер-офицерских кадров и наметить пути его разрешения.

Отправной точкой в исследовании были выбраны 1720-1721 годы, т.е. период окончания Северной войны, обработке подверглись архивные материалы Выборгского, Смоленского, Ростовского, 2-го гренадерского (с 1727 г. Кекекогомского) и Бутырского пехотных полков. На основании офицерских «сказок» удавалось получить следующую картину социального состава офицерского корпуса этих полков: дворяне (в т.ч. иностранцы) - 102 чел., недворяне - 60 чел., не установлена сословная принадлежность (в т.ч. иностранцы) - 20 чел., недворяне в % от общего числа офицеров - 32,8%⁹.

Таким образом, офицеры недворянского происхождения составляли, как мы видим, в этих наугад отобранных для исследования полках в общей сумме около трети общего офицерского состава, а при соотношении только с офицерами-дворянами и того больше, причем выходцы из феодально-зависимых групп населения (боярские люди, дворовые люди, кабальные люди и пр.) составляли также более трети (38,3%) от их числа¹⁰.

Необходимо отметить, что офицеры происходившие из боярских, дворовых и кабальных людей практически все указали, что записались в солдаты своей волей и почти все в 1700 г., т.е. воспользовались указами 1697 и 1700 г.¹¹, освобождавшими семьи добровольно записавшихся в солдаты от крепостной зависимости, они решили попытаться счастья и предпочли государственную службу «отеческому попечению» помещиков. С другой стороны, многие из офицеров, происхо-

дивших из посадских людей, отмечали в своих «сказках», что они были взяты по набору, офицеры же из монастырских слуг поехали в армию, как правило, в качестве даточных людей по наборам 1699 и 1700 г. Служилые же люди поступали в регулярную армию в соответствии с их сословной принадлежностью.

К концу Северной войны офицеры, происходившие «не из шляхетства», как их именуют в ряде документов того времени, достигли следующих чинов: капитаны - 4 чел., поручики - 12 чел., подпоручики - 25 чел., прапорщики - 19 чел. Дворяне в этих же чинах составляли: капитаны - 25 чел., поручики - 21 чел., подпоручики - 24 чел., прапорщики - 12 чел.

По социальным же группам внутри офицеров недворянского происхождения чины распределялись следующим образом: феодально-зависимые люди составили основную массу субалтерн-офицеров, т.е. прапорщиков и подпоручиков, в этот разряд попала и основная масса казаков, солдат и посадских, хотя последние, очевидно, благодаря грамотности, довольно равномерно распределялись между обеими степенями субалтерн-офицеров и поручиками, являвшимися помощниками командиров рот - капитанов, среди последних, хотя ратари и составляют половину капитанов, но не 50% командиров рот, т.к. в Ростовском пехотном полку поручик Карпачев Я.В., происходивший из посадских людей г.Мурома, командовал ротой 7¹².

Хотя наивысшим чином, которого могли достичь офицеры «не из шляхетства» в обследуемых полках, был капитанский, необходимо отметить, что один из двух указанных капитанов 2-го гренадерского полка Д.Т.Рагозин, 20 февраля 1722 г. вышел в отставку с чином майора¹³, по происхождению был монастырский слуга и начал службу в 1700 г. сдатом и выслуживал свой первый офицерский чин 4 года¹⁴.

Вполне естественно обратиться теперь к рассмотрению вопроса о том сколько же длилась выслуга на лим чинам первого офицерского звания.

Таблица I

Офицеры «не из шляхетства»

Неск. от 4 до 6 мес.	5 лет	8	9 - II	12 - 14	16 - 18	21 г.
1	5	17	28	5	2	2

Сразу	Неск. от 1 до 3 мес.	4 - 5	6 - 8	9 - II	12 л.	16
8	12	25	11	15	10	2

Основная группа офицеров-недворян: 45 из 60, т.е. 75% выслуживали чин прапорщика от 6 до II лет, в то время как у офицеров-дворян эта группа составляет лишь 25 человек, т.е. 27%. Если у офицеров небогатого происхождения есть устойчивая «центральная группа» и небольшие «крылья» как в сторону «относительно небольших сроков», так и «больших» и «сверхпродолжительных», то у офицеров-дворян наличествует значительная группа, получившая офицерский чин либо сразу, либо в течение нескольких месяцев - 20 человек или 23,5%, а также группа в числе 25 человек, т.е. 27%, выслуживавшая чин прапорщика от I до 3 лет. Таким образом, 50,5% офицеров-дворян получили свои офицерские шарфы в сроки практически невозможные для «небогатых», при этом интересно отметить, что в обеих основных группах одинаково количество выслуживавших прапорщачий чин «сверхпродолжительные» сроки: у недворян от 16 до 21 года, у дворян от 12 до 16 лет, по 4 человека. Подводя итоги сравнения сроков выслуги в обеих социальных группах, мы конечно же признаем, что продолжение резко сокращало их для дворян, но, с другой стороны, нельзя не отметить, что срок выслуги у основной массы офицеров «не из шляхетства» в 6-II лет сам по себе весьма далек от стереотипного представления о продолжительности службы нижнего чина.

Теперь обратимся к проблеме боевого опыта, при этом

сразу же отметим, что не располагаем полными данными относительно офицеров-дворян Вязьмского пехотного полка.

Принцип сословности преопределил тот факт, что 50 офицеров-дворян или 52% от их общего числа участвовали в от I до 7 сражениях, в то время как у офицеров-недворян в эту категорию попадает лишь 14 человек, т.е. 23,8%.

Суммировав результаты участия в боях мы получили следующие данные: 60 офицеров-недворян участвовали на протяжении своей службы в 632 сражениях, а 53 офицера-дворянина в 656 сражениях, т.е. участие офицеров-недворян было более интенсивным. Естественно, встает вопрос о том, как у офицеров, происходивших «не из шляхетства», соотносится количество сражений, в которых они участвовали, будучи нижними чинами, с количеством сражений, в которых они были уже офицерами. Произведенные подсчеты дадут следующую картину:

Таблица 2

офицером	сражения		Всего	% офиц.
	офицером	нижним чином		
236	406	632	37,3	

Средний процент достаточно велик и дает возможность говорить о том, что т.к. основная группа офицеров-недворян выслуживала офицерский чин в среднем от 6 до II лет (см. табл. I), то и участие таковых, уже в офицерских чинах, в войне было весьма продолжительным и существенным, и боевой опыт, приобретенный ими в качестве солдат, они уже могли развивать и трансформировать став офицерами и передавать его уже своим подчиненным, как нижним чинам, так и субалтерн-офицерам, к. в определенной степени, влияя на «срмирование» у последних боевых навыков.

Эти данные, как мы видим, подтверждают мысль о значительном влиянии офицеров-недворян при передаче боевого опыта на своих субалтерн-офицеров, даже если те и были дворя-

нами, т.к. последние по силе устава должны были подчиняться своим капитанам и поручикам.

Перейдем теперь к унтер-офицерским кадрам в 1720 году. Мы располагаем данными лишь по трем полкам: Смоленскому, 2-му гренадерскому и Бутырокскому; в социальном отношении их унтер-офицеры составляют следующие группы: феодально-зависимые - 40,4%, служилые люди - 28%, посадские - 16,4, дворяне - 13,3%¹⁵.

Относительно дворян необходимо указать, что 50% их начало службу после 1711 г., в основном в 1712-1714 гг., т.е. под влиянием правительственных указов, грозивших за уклонения от службы конфискацией поместий и указа 1714 г. требовавшего зачисления на службу с 13-летнего возраста и разрешавшего только после отбытия срока солдатской службы производство в офицеры¹⁶.

Из 93 обследованных офицеров-дворян лишь 17 проходили службу солдатами в гвардейских полках, остальные в большинстве, начали службу солдатами в армейских полках, таким образом, мы видим, что в данной обследуемой группе офицеров-дворян прохождение службы нижним чином в гвардии было скорее исключением, чем правилом в 1720 г.

Если мы обратимся к срокам выслуги в сержантском кадре, то обнаружим следующую картину:
Надворьяне

Начали службу в	1688-1699	1700-1703	1704-1707	1712
	6	15	1	1
Дворяне				
Начали службу в	1704-1704	1706-1708	1712	1715-1717
	2	2	3	3

Больше половины сержантов-надворьян начали службу в первые 3 года Северной войны.

Основная же масса сержантов-дворян вступила в службу уже после Полтавской баталии, в разгар кампании правительственных указов, понуждавших дворянство к службе, их сроки выслуги сержантского чина в 2-3 раза короче, чем у основной массы сержантов-недворян. Ту же самую картину мы наблюдаем и среди капралов, происходящих «из шляхетства».

Подводя итог рассмотрению материалов петровского времени, мы можем отметить, что хотя принцип сословности, конечно же, играл определяющую роль в количественном соотношении офицеров и унтер-офицеров дворянского и недворянского происхождения и в сроках выслуги чина офицера или унтер-офицера, но необходимо обратить внимание на то, что сложившаяся практика чинопроизводства открывала для представителей феодально-зависимых условий устойчивый канал для перемены социального статуса, вхождения в ряды российского дворянства и пополнения этого сословия «свежей кровью», хотя, как мы увидим на всем протяжении XVIII в. государство постоянно фиксировало откуда появляются эти «новые дворяне» и не забывало о недавности их благородного происхождения. Равным образом нужно признать значительный вклад этих офицеров «не из шляхетства» в ход Северной войны не только в качестве нижних чинов, но и уже как офицеров российской армии, причем не только как субалтерн-офицеров, но и командиров рот, и их помощников.

Теперь мы постараемся осветить состояние дел в иттервушском нас вопросе в 1759-1764 годах. В этот отрезок времени мы располагаем данными по объему материалами о четырех полках пехоты: Нарвском, Цокковском, Астраханском и Староскопском¹⁷. Группируя офицеров этих полков по социальному составу мы получим следующую картину: дворяне - 192 чел., разночинцы - 14 чел., однодворцы - 15 чел., солдатские дети - 21 чел. и крестьяне - 3 чел.

По сравнению с 1720 г. произошли существенные изменения: во-первых, количество офицеров-недворян превышавшее в петровское время одну треть от общего количества теперь составило 22,8%, во-вторых, резко упало количество офице-

ров, происходивших из крестьянства - 1,2%. Лишь в материалах Астраханского полка на примере списка прапорщиков мы можем получить некоторые данные о сроках выслуги первого офицерского чина:

Дворяне

2 - 3	5 - 6	9 - 11	18 лет
3	7	3	1 (12) ¹⁸

Солдатские дети

11 лет	9 лет	7 лет
1 (20) ¹⁹	1 (13)	1 (21)

У прапорщиков, происходивших из дворян возраст при зачислении на службу группируется следующим образом:

10 - 13	14 - 15	16	18 - 19	20 - 21
3	5	1	3	2

Как видим, большая часть прапорщиков была зачислена на службу низкими чинами в весьма нежном возрасте и вряд ли начала ее в момент зачисления, не лишне отметить, что командовавший в этот год полком А.В.Суворов показан в возрасте 32 лет, зачисленным на службу 23 октября 1742 г., т.е. с 13 лет от рождения, а налицо явился в л.-гв. Семеновский полк ли с 1 января 1748 г., т.е. 18 лет от роду²⁰. Естественно, что и у прапорщика, солдатского сына, Василия Самострелова зачисление в 13 лет на действительную службу (см. табл.) вряд ли можно считать фактической явкой «под знамена», хотя это и позволило ему быть произведенным в один день, 1 мая 1762 г., со своими товарищами, солдатскими сыновьями Иваном Барановским и Иваном Дюловым. Однако, отметим, что источниковая база слишком узка для каких-либо обобщений. Наконец, мы можем установить каких чинов достигли офицеры недворяне в исследуемый

период²¹: штабс-капитан - I (4)²², поручик - IO (32), подпоручик - 15 (45), прапорщик - II (26).

При сравнении с первой четвертью XVIII века, мы должны отметить, что среди недворян нет ни одного капитана, т.е. ротного командира; как и в петровское время основную массу составляют субалтерн-офицеры, место рейтар теперь заняли однодворцы, но они уже являются представителями податного населения, а не служилыми людьми, как рейтары, солдатские дети успешно конкурируют с ними и один из них даже стал штабс-капитаном, на долю же разночинцев приходятся почти исключительно субалтерн-офицерские чины. К сожалению, данные о боевом опыте за этот период отсутствуют.

В это время внутри дворянства появилась новая прослойка, именуемая в документах второй половины XVIII века как «военное дворянство» или «обер-офицерские дети». Это сыновья петровских офицеров «не из шляхетства», они не относятся к разночинцам или «подлым людям», они дворяне, но их всегда показывают отдельно от «российского дворянства», даже от мелкопоместного, ибо они почти никогда не являются душевладельцами. В последней трети XVIII века процесс изменения социального облика офицерского корпуса шел в сторону «одворянивания».

Источниковой базой для исследования офицерского и унтер-офицерского состава в последней трети XVIII в. явились архивные материалы Бутырского пехотного полка и сохранный на его базе Кубанского егерского полка, опубликованные в конце XIX века²³.

После устойчивого положения в 70-80 г., в среднем 1/5 - общего офицерского корпуса, в последнее десятилетие в связи с почти трехкратным увеличением офицеров-дворян, офицеры из небогатых оставили всего десятую часть от общего офицерского состава. Менялась и социальная структура внутри группы офицеров-недворян: наиболее устойчивыми и многочисленными оказались солдатские дети и подьячие-чиновники, совершенно отсутствуют крестьяне, основная масса

"неблагородных" офицеров происходит теперь из разночинной среды, в которой солдатские дети заменили собой служилых людей петровской эпохи окончательно, не будучи идентичными им по своему происхождению и сословному статусу.

При изучении служебного положения офицеров-недворян можно сделать вывод о наличии двух тенденций: во-первых, постепенно сходит на нет присутствие офицеров-недворян среди субалтерн-офицеров при устойчивом сохранении, правда с тенденцией к сокращению количества, ротных командиров, т.е. капитанов "неблагородного" происхождения; во-вторых, новое явление по сравнению с петровским временем и серединой века устойчивое присутствие офицеров-недворян в среде штаб-офицеров, пусть этих майоров и подполковников не много, хотя в 1785 и 1787 г. именно недворяне замещают эти чины, но они есть, в то время, как в петровский период М.Д.Рабинович отмечает наличие лишь одного подполковника, происходившего "не из шляхетства"²⁴.

Теперь обратимся к вопросам выслуги офицерского чина: 71,9% от общего количества учтенных офицеров-дворян выслуживало первый офицерский чин от нескольких месяцев до 8 лет.

В то же время лишь 30,6% офицеров-недворян выслуживали чин прапорщика от 1 года до 8 лет, 36,7% потратили на это от 9 до 12 лет, и 24,4% выслуживали этот чин от 13 до 16 лет, таким образом лишь треть офицеров-недворян могла уложиться в "дворянский" сроки выслуги. Необходимо отметить, что в петровский период даже такое совпадение было невозможно, т.к. тогда 50,5% офицеров-дворян выслужило первый чин в сроки просто неприемлимые для выходцев "не из шляхетства", узость источниковой базы позволяет пока что лишь говорить о возможности тенденции к размыванию сословной предопределенности срока выслуги первого офицерского чина для недворянина по сравнению с первой четвертью века.

Теперь мы обратимся к обер-офицерским детям. Анализ материалов о прохождении служб показывает, что, во-первых,

у них на 2 года позже начинается возраст зачисления на службу по сравнению с дворянами, однако, у последних малолетки до 14 лет составляют 26,4%, в то время как у обер-офицерских детей 39,5%, у тех и других основная масса начинает действительную службу записавшись между 14 и 19 годами от роду, но у дворян есть относительно компактная группа поступивших в службу в возрасте от 20 до 23 лет, в то время как у обер-офицерских детей количество таких незначительно. Таким образом, в плане возрастном, "русское дворянство" несколько раньше записывается в службу, но и военное дворянство" точно так же пользуется этой привилегией, бывшей по сути повсеместным нарушением закона, и даже обгоняет "коренных" дворян в этом. Однако, в целом, возрастные рамки записи обер-офицерских оснований в службу совпадают с такими же у простых дворянских недорослей.

В то же время, если у дворянства 94,4% выслуживают чин прапорщика от 1 года до 12 лет, то у военного дворянства 90,3% тратят на это уже от 1 года до 15 лет, т.к. у дворян в 2 с лишним раза больше выслуживающих в категории от 1 до 4 лет, но зато в 6 с лишним раз меньше в категории от 13 до 15 лет и т.д., очевидно, что выслуга у дворян идет на 2 порядка легче, чем у военных дворян.

Принцип ословности определял объем боевого опыта в конце XVII в. так же, как и в его начале. У офицеров-недворян 51,4% участвовали в 5 до 10 сражениях, в то время у офицеров-дворян к этой категории относятся лишь 28,4%, в то время как 64,6% их участвовало лишь в 1 до 4 сражениях. Более того, если у офицеров-недворян устойчиво количество участвовавших в от 5 до 10 сражениях, то у офицеров-дворян постоянна тенденция к увеличению числа участвовавших в от 1 до 4 сражениях, что ведет к постоянному сокращению количества офицеров-дворян с большим боевым опытом в общей массе своих сослуживцев-дворян.

Суммировав результаты участия в боях мы получили следующие данные: 35 офицеров-недворян участвовали в 238

сражениях, в то время как 130 офицеров-дворян в 544, т.е. участие офицеров-недворян как и в петровскую эпоху было гораздо более интенсивным. Снова необходимо выяснить как соотносится у офицеров-недворян количество сражений, в которых они участвовали, будучи нижними чинами, с количеством сражений, в которых они были уже офицерами.

Ситуация коренным образом изменялась по сравнению с 1720 г., только 1779 г. дал те же показатели, что и в конце Северной войны, все остальные стойко показывают преобладание либо равенство участия в боях в качестве офицера по сравнению с пребыванием в нижних чинах. Конечно, т.к. объектом исследования была всего одна воинская часть, опасно было бы абсолютизировать полученные данные, но, думаюется, мы имеем право говорить о явно выраженной тенденции и, судя по всему, возросшем алианси офицеров-недворян на передачу боевого опыта у нижних чинов и субалтерных офицеров, дворян, их подчиненных, и на формирование у последних боевых навыков под воздействием их начальников неблагородного происхождения. Нам кажется, что можно ставить вопрос об определенном возрастании роли офицеров-недворян в формировании облика офицерского корпуса к концу XVIII в., особенно учитывается их проникновение и закрепление в среде штаб-офицеров.

Перейдем теперь к последней части интересующей нас темы, к унтер-офицерским кадрам в последней трети XVIII в. Анализ социального состава унтер-офицеров позволяет увидеть как изменялся он за исследуемый период.

Основное количество унтер-офицеров составляет три сословные группы: на первом месте стоят дворяне - 135 человек, на втором солдатские дети - 71 человек и на третьем крестьяне - 33 человека, причем у всех этих групп есть периоды как подъема, так и спада притока их представителей на военную службу. И лишь только обер-офицерские дети, если их вычленим из общего состава дворянства, будут постоянно увеличивать количество своих представителей в рядах унтер-офицеров, причем для всех этих групп 1736 г.

является пиком, которому предшествовал сильный спад.

Теперь мы обратимся к проблемам, связанным с продолжительностью службы унтер-офицеров, рассмотрим вопрос о возрасте, в котором записывали в службу.

Сразу же бросается в глаза то обстоятельство, что солдатские дети зачислялись на службу в столь же юном возрасте, как и обе категории дворянства.

Основная же масса дворянских сыновей поступала на службу в возрасте от 16 до 21 года и здесь необходимо обратить внимание на второе обстоятельство: именно в этом же возрасте поступала на службу большая часть унтер-офицеров из крестьянства. Очевидно, можно предположить, что это совпадение не случайно, и объясняется тем, что и те и другие, в качестве деревенских жителей, именно в этом возрасте «созревали» для военной службы, хотя у крестьян преобладающая часть стала рекрутами между 18 и 21 годами, а у дворян-помещиков, наоборот, вступление в службу в основном состоялось между 16 и 18 годами, хотя и не малое количество их вступило уже в период между 19 и 21 годом. При сравнении же солдатских детей и крестьян очевидно, что 18 лет это «порог», когда количество солдатских детей вступающих в службу резко сокращается, а у крестьян только начинается; очевидно, что солдатские дети, будучи людьми казенными, да и уже получившие в этом возрасте образование в солдатских школах, раньше и вовлекались «казною» в сферу служебной деятельности.

Анализ данных о выслуге сержантского чина дворянами «военными» и потомственными показывает, что в общем ситуация совпадает, т.е. велико количество получивших чин сразу либо менее чем за год, хотя у дворян-помещиков эта тенденция более ярко выражена и составляет 57,3%, в то время как у обер-офицерских детей 46,1%, вторая по численности группа выслуги от 1 до 3-2-х лет примерно одинакова, таким образом недавнее дворянство обер-офицерских детей мало влияло на их сроки выслуги в унтер-офицерских чинах, чего нельзя сказать о сроках выслуги офицерского

чина.

Что касается крестьян и солдатских детей, то основной масса инсценировала звание сержанта от 6 до 16 лет, причем у крестьян на эту категорию приходится 58,8%, а у солдатских детей 72,8%, соответственно группы выслужившие сержантский чин от 17 до 27 лет составили 36,2 и 13,5%, необходимо также отметить, что у солдатских сыновей есть устойчивая группа, т. е. вставших на службу от 3 до 6 лет, у крестьян же это всего один человек. Вполне понятно, что эти сроки службы в силу принципа сословности разительно отличаются от сроков службы у дворян, которые в массе после шести лет службы были уже сержантами.

Что касается накопления боевого опыта, то здесь в последней трети XVIII века выстраивается следующая картина. У унтер-офицеров недворянского происхождения боевая активность гораздо более высокая, чем у дворян, однако надо обратить внимание на то обстоятельство, что и здесь имеется некоторое количество унтер-офицеров, не участвовавших в боевых действиях, причем как у солдатских детей, у которых это можно объяснить большим количеством малолетних поступающих на службу, так и у крестьян, которых возрастной фактор не срабатывает так же явно. Не менее интересно и другое обстоятельство: у солдатских детей из 58 человек 40 принимали участие в боях уже будучи унтер-офицерами, либо большую часть боев прошли в унтер-офицерских чинах, у крестьян же участие унтер-офицерами в боях составило 15 человек и нижними чинами 14 человек, т. е. почти поровну, что можно объяснить лишь возрастным фактором и несколько более длительным сроком службы. Таким образом, мы можем предположить, что условия службы крестьян были относительно более тяжелыми, чем у солдатских детей. В целом же с учетом не подвергавшихся такой же детальной обработке унтер-офицеров и людей разных чинов можно сделать вывод о том, что их участие в боевых действиях и способность передавать свой опыт рекрутам было значительно выше, чем у дворян, составлявших, между тем, в обследуе-

мых воинских частях большую часть унтер-офицерского корпуса и являвшихся основным источником для замещения, откровенных субалтерн-офицерских вакансий. Так же необходимо отметить значительное увеличение к концу расследуемого периода количества унтер-офицеров во всех трех обследуемых сословных группах.

Наше внимание должны привлечь еще два обстоятельства. Первое, это расхождение в царствование Павла I законодательных актов и практики относительно непримущества унтер-офицеров недворян в офицеры. Несмотря на указы императора производство недворян осуществлялось, свидетельством тому являются архивные материалы, связанные с Итали-Швейцарским походом А. В. Суворова в 1799 г. ²⁴ Многие получали первый офицерский чин Ю фальдфебеля и унтер-офицеров. Таким образом, сам император нарушал свои собственные указы, а документ о производстве исходил из его походной канцелярии; думается, что дальнейшие архивные поиски смогли бы пролить дополнительный свет на этот вопрос, пока же мы видим неоспоримый факт: запрет на производство не соблюдался, возможность перейти из одного сословия в другое сохранялась.

Второе обстоятельство это — превращение ряда унтер-офицеров, числившихся в 80-е г. производимыми из солдатских детей, к 1796 г. — в обер-офицерских сыновей. Таковых в Кубанском егерском корпусе обнаружилось 4 человека и в Бугском егерском корпусе уцелел один. Требования правительства «отыскивать» точно происхождение унтер-офицеров и кандидатов в офицеры приводит не всегда к тому, что это затрудняет производство «неблагородных», наоборот, бывает и так, что они в процессе «отыскивания» превращаются в «благородных». Как видно ключевым моментом в этой метаморфозе являлось состояние родителей в момент рождения сына в обер-офицерском чине, т. к. это постоянно фиксируется в приводимых свидетельствах.

В заключение необходимо отметить, что даже столь не-совершенная документальная база, как та, которая была

привлечена для настоящей работы, существенно меняет наши представления о положении дел в офицерском корпусе русской армии в XVIII в. Мы видим, что если рано говорить о том, сократилось ли количество офицеров-недворян к концу века по сравнению с петровскими временам, то тем не менее зато есть данные, позволяющие отметить устойчивость наличия этой категории офицеров на протяжении всего столетия и обратить внимание на тенденцию проникновения их уже из среды обер-офицеров в ряды штаб-офицеров.

Мы могли проследить колебания социального состава как среди офицеров-недворян, так и появление среди дворянства в середине и второй половине века прослойки обер-офицерских детей, а также исчезновение офицеров происходящих из крестьянства; самой же устойчивой оказалась группа солдатских детей, поставлявшая большой процент офицеров-недворян и унтер-офицеров. Наличие же большого количества унтер-офицеров из крестьян, начнет давать уже в начале XIX в. снова субалтерн-офицеров из крепостных. Одновременно с этим, мы увидели, что даже при Павле I попытки не пустить неблагородных, а тем более крестьян в офицеры оказались по меньшей мере непоследовательными и нарушались самим императором.

Смогли мы так же обратиться и к проблеме унтер-офицерских кадров, проследить ее социальный состав и его колебания и неоднородность, документы убеждают нас, что утверждения о решающей роли гвардии и военных корпусов в подготовке офицерских кадров неосновательны: подавляющее большинство обер и штаб-офицеров вышло из унтер-офицерской среды независимо от своего происхождения. Наконец, вопросы передачи боевого опыта и его накопления, позволяют ставить вопрос о том, что офицеры-недворяне играли определенную роль в его передаче не только нижним чинам, но и своим подчиненным субалтерн-офицерам, даже и из дворянства. Небезынтересно отметить высокую интенсивность участия в боевых действиях офицеров-недворян, по сравнению с их сослуживцами дворянами. Так многолик, сло-

жен и неоднозначен оказался мир русской армии XVIII в. при внимательном изучении его внутренней жизни.

Примечание

¹ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновпроизводства в русской армии // Военный сборник, 1887. № 4; Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVIII веке // Военный сборник, 1899. № 6.

² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С.168.

³ Там же. С.443.

⁴ Там же. С.444.

⁵ Там же. С.168-176, 444.

⁶ Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной армии в конце Северной войны. В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С.133-172.

⁷ Золотарев В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е. Бою отечества российского. М., 1984.

⁸ Там же. С.48, 49.

⁹ Сведения почерпнуты из: Игнатович Д.Д. История 85-го пехотного... Выборгского полка. Вып. I. СПб., 1910. Прил. С.24-26, 59, 72-85, 90-101; Максудов В.П. История 25-го пехотного Смоленского полка за два века его существования. СПб., 1901. Прил. С.38-92; Попов Н.Н. История 2-го гренадерского Ростовского полка. Т. I. М., 1902. Прил. С.55-85; Адамович Б. Сборник военно-исторических материалов л.-гв. Кексгольмского полка. Т. I. СПб., 1910. С.52-99; Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. Ч. II. СПб., 1892. Прил. 6. С.42-60.

¹⁰ Там же.

¹¹ РСЗ. Т. III. № 1573 и 1747.

¹² Попов Н.Н. Указ. соч. С.73-74.

¹³ Адамович Б. Указ. соч. С.223-225.

¹⁴ Там же. С.56-57.

¹⁵ Максудов В.П. Указ. соч. Прил. С.93-101; Попов Н.Н. Указ. соч. Прил. С.16-22; Бобровский П.О. Указ. соч. Прил.

5. С. 25-40.

16 ЛСЗ. Т. IV, № 1947, 1960, 1978, 2090, 2199, 2779 и пр.

17 Российский М. А. Очерк истории 3-го пехотного Нарвского полка. М., 1904. С. 178-180; Гениев Н. И. История Псковского пехотного полка. М., 1883. Прил. С. 14-15; Государственный мемориальный музей А. В. Суворова, мо 2010. Список Астраханского пехотного полка в 1762 г.; Кириллов В. А. История 114-го Новоторжского полка. Митава, 1913, прил. 3. С. 311-312.

18 В скобках возраст в момент поступления на службу.

19 То же.

20 День рождения А. В. Суворова 13 ноября ст. ст. в документах XVIII в. обычно показывались «полные лета».

21 Сведений по Псковскому полку нет; сведений о штабс-капитанах в Нарвском и Старооскольском полках нет.

22 В скобках показано число дворян, состоящих в том же чине.

23 Бобрровский П. О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. СПб., 1892. Ч. II. Прил. 22. С. 156-163; Ч. III. Прил. 31. С. 24-37, 36-47. Прил. 32. С. 50-125.

24 Рабинович М. Д. Указ. соч. С. 153.

25 ГПБ РО. Ф. 755. Т. 5. Л. 26, 67, 86.